

Б. Виллемс

**КРЕПОСТЬ КЁНИГСБЕРГ В 1945 ГОДУ:
ГАРНИЗОН И НАСЕЛЕНИЕ.
ОТВЕТ НА ЗАМЕЧАНИЯ Г. В. КРЕТИНИНА**

Охарактеризована источниковая база, необходимая для исследования осады и штурма крепости Кёнигсберг в 1945 г. Основная цель – отделить гражданское население, оставшееся в городе, от комбатантов, которым было приказано защищать его. Показано, что завышенные советские оценки сил гарнизона, некритически воспроизводимые проф. Г. В. Кретиным, должны быть пересмотрены как результат искажений советской памяти.

This article presents primary sources for studying the siege and battle of Königsberg of 1945. The work aims to distinguish between the civilian population remaining in the city and combatants defending it. It is shown that the inflated Soviet estimate of the garrison strength, which was uncritically reproduced by Prof G. V. Kretinin, should be revised as a result of Soviet memory distortion.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, гражданское население, искажения исторической памяти, штурм Кёнигсберга.

Key words: East Prussia, civilians, memory distortion, siege of Königsberg.

Далеко не каждый день молодому историку удастся получить в качестве оппонента бывшего полковника Советской армии, так что я премного обязан Г. В. Кретиному. В то же время прискорбно, что его желание увидеть аргументацию, касающуюся битвы за Кёнигсберг, прежде всего с позиций «Россия vs. Запад» служит отголоском холодной войны. С такой точки зрения любой критицизм отражает предвзя-

тость (если работа написана исследователем извне России, как в моем случае) или желание подорвать патриотическое видение подвига (если сведения представлены российским ученым). Семнадцатого марта 2016 г. многолетний директор Государственного архива Российской Федерации Сергей Мироненко перешел на должность научного руководителя архива. Некоторые комментаторы как в России, так и за рубежом связали произошедшее с публикацией им документов, показавших, что легенда о 28 героях-панфиловцах эпохи Великой Отечественной войны практически полностью была мифом, созданным журналистом «Красной звезды» в конце 1941 г. Однако миф этот, по всей видимости, будет поддерживаться и далее: фильм о 28 вымышленных героях уже на стадии производства.

Г. В. Кретинин полагает, что я не вполне подхожу для изучения этой темы по причине того, что моя «западная» предвзятость «просвечивает» слишком ясно. Ею вызваны мои оценки колебаний генерала И. Д. Черняховского, искажившие, по мнению Г. В. Кретинина, представление о «полководческом таланте» Черняховского. Да, я ставлю вопросы о Черняховском, потому что изучаю его; не потому, что я предвзят, а потому, что я исследователь. Например, американский генерал Паттон, безрассудный командир, готовый пожертвовать жизнями многих людей ради своей личной славы и, кроме того, открытый антисемит, был еще хуже, по-моему. Если бы я занимался нидерландским генералом Винкельманом, я критиковал бы недостаток у него прозорливости и слабые оборонительные меры к маю 1940 г., которые привели к быстрому поражению Нидерландов. Я действительно думаю, что Черняховский не подходил для командования Третьим Белорусским фронтом во время Восточно-Прусской операции. Послевоенная пропаганда с успехом замалчивала тот факт, что Кёнигсберг, по замыслу Ставки, должен был пасть в конце января — начале февраля 1945 г. (он пал лишь в апреле). Более того, Черняховский «не сокрушил Тильзитско-Инстербургскую группировку» (директива ВГК № 220277 от 3.12.1944 г.) и к моменту своей гибели не был даже близок к выполнению задачи по ликвидации Хайлигенбайльского котла (директива ВГК № 11023 от 9.02.1945 г.). Согласно маршалу Рокоссовскому, и сама Ставка недооценивала ситуацию в Восточной Пруссии перед операцией: «Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточнопрусскую группировку противника: ее разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт. Даже не упоминалось о взаимодействии между нами и нашим правым соседом» [5, с. 288]. И вместо того чтобы изучать спорные вопросы истории войны, сам Г. В. Кретинин пишет статью о «периодизации Восточно-Прусской операции», преуменьшая значимость этих фактов и подерживая ложное впечатление, что в 1945 г. все шло по плану [4].

Как я пришел к своему взгляду на штурм Кёнигсберга? Я родился в 1985 г. и вырос в период после холодной войны. Россия никогда не была для меня врагом, которым она выступала ранее для моих родителей. Борис Ельцин не выглядел грозным человеком (и, с моей точки зрения, это комплимент). Единственным «реальным» врагом Нидерландов в XX в. для меня были немцы, которые оккупировали мою страну. Я глубоко очарован Россией, столь же глубоко мое уважение к советским ге-

нералам. Самых высоких похвал, на мой взгляд, достоин генерал армии Иван Людников. Восьмого мая 2015 г. под проливным дождем я посетил «Остров Людникова» в Волгограде. Там особо нечего смотреть, но я считал своим долгом отдать ему дань уважения. Днем позже, 9 мая, я пешком прошел к Мамаеву кургану (погода все еще была ужасной), как и тысячи мужчин, женщин и детей, распевая вместе с ними «День Победы». Уважаемый профессор Кретинин, если Вы хотите поставить под сомнение мое уважение к советским генералам и благодарность, которую я испытываю к советскому народу, конечно, Вы вольны делать это, но это попросту неправда.

В нынешнем исследовании Кёнигсберга мой критицизм сфокусирован прежде всего на командовании крепости. Несмотря на приятную беседу, которую я имел несколько лет назад с дочерью генерала Лаша (бывшей узницей гестапо после того, как Лаш сдался), я не очень высокого мнения о нем. Это был человек с немногими выдающимися чертами. В статье я использовал его мемуары как отправную точку, потому что они широко известны, но статья обнаруживает мало симпатии к этому генералу. В воспоминаниях он рисует себя как эдакого прусского юнкера, но на деле он был сыном чиновника среднего ранга. Лаш кажется обычным конформистом, присоединившимся к НСДАП в мае 1933 г. [7]. Армия служила ему хорошо, и он был лоялен к ней до последней минуты. Никто не рассматривал его как твердолобого нациста: генерал армии Иван Баграмян, кажется, имел некоторое — с военной точки зрения — уважение к этому человеку, особенно в сравнении с генерал-лейтенантом Гансом Микошем, которого Баграмян характеризует как brutального твердолобого фанатика даже после его пленения [6, р. 242–243]. Я вижу Лаша как «армейского фанатика», желавшего сражаться до конца. По обе стороны линии фронта в то время такое поведение рассматривалось как нечто замечательное, я же следом за Михаэлем Виком оцениваю его как безрассудное и негуманное [1, с. 154, 158; 20, S. 218].

Давайте посмотрим на источниковую базу, на которой основаны мои выводы. Доктор Кретинин желал бы, чтобы я представил все разнообразие источников в статье, ограниченной 4 тыс. слов. Это невыполнимо в силу многочисленности источников, но я кратко объясню несколько мотивов для их отбора. Г. В. Кретинин полагает, что отчеты не пережили штурм крепости, однако многие из них находятся в Государственном архиве Калининградской области и легкодоступны. Это касается полицейских отчетов, датированных январем — апрелем 1945 г. Их Г. В. Кретинин (как и многие другие российские и западные историки) не использует и сегодня. Я же настоятельно советую студентам БФУ им. И. Канта изучить «немецкие фонды» в ГАКО, особенно эти полицейские отчеты.

Далее я использовал материалы должностных лиц среднего звена в Архиве города Кёнигсберга в Дуйсбурге. Большая их часть легла в основу отчета Лаша, но при этом содержала достаточно много новых данных. В Бундесархиве в Байрейте доступен ряд документов гражданских лиц, но я обращался к ним с осторожностью: многие из них крайне враждебны по отношению к советским «ордам», «зверям», «насилъ-

никам» и т. д. По той же причине я воздерживаюсь от использования здесь серии «Документация об Изгнании» Т. Шидера [12], которая остается по этой теме все еще самым обширным исследованием, но представляет собой прежде всего обвинительное заключение.

В отношении работы пропаганды в Кёнигсберге и отчетов служб СС и СД я смог найти значительное число источников в Бундесархиве в Берлине-Лихтенфельде. Это, в частности, снабдило меня дополнительными сведениями об отношениях между партией и армией внутри крепости Кёнигсберг. Военные фонды Бундесархива во Фрайбурге позволили изучить военные приказы (в том числе один из тех, что я обсуждаю ниже). Мне удалось сопоставить их с переводами британской «Энигмы», которые хранятся в Национальном архиве в Кью (Лондон).

Я обнаружил многочисленные личные письма и дневники в Музее земли Восточная Пруссия в Люнебурге и архиве Яд Вашем в Иерусалиме (некоторые дневники на русском, так что прошу российских коллег помочь с переводом!). Эти письма серьезно дополняют существующую литературу, но в статье из 4 тыс. слов невозможно рассказать обо всем. Когда я писал, что мы все еще опираемся на сведения Лаша, Лендорфа и Вика в восприятии положения, в котором оказалось гражданское население, я знал, что существует много других источников. Трое мужчин (генерал, доктор и полуеврей), конечно же, не представляют все немецкое население, их взгляд отражает какие-то стороны происходившего.

Г. В. Кретинин считает, что я тенденциозно подхожу к выбору источников, но это совсем не мой случай. Я хотел представить ситуацию, используя, насколько возможно, скорее советские или российские, нежели германские источники, это видится более целесообразным при обращении к российской аудитории. Однако немецкая источниковая база значительно шире, потому что, в конце концов, немцы жили внутри крепости в то время, пока советские войска только готовились к апрельскому штурму 1945 г. Использование многочисленных немецких источников могло создать впечатление тенденциозности в моем исследовании. Я чувствовал, что не должен злоупотребить приглашением вашего университета — культурного моста, о котором так красноречиво рассказывал мне Илья Дементьев некоторое время назад, — и не имею права написать очередной материал, углубляющий раскол между Россией и Западом.

В то время как я использовал документы из восьми архивов (и надеюсь увеличить их число), сам Г. В. Кретинин в исследовании крепости Кёнигсберг ограничивается обращением исключительно к военным архивам в Москве. Я рад, что ему удалось добраться до российских военных архивов. Большинство источников остаются закрытыми для историков, и эта тенденция порицается сегодня учеными во всем мире. После распада Советского Союза в 1991 г. некоторые неудобные факты стали известны российской и западной публике благодаря открытию архивов, и многие из них быстро были снова закрыты. Случай С. В. Мироненко показывает, что уклонение от официального курса все еще рискованно. К счастью, в том, что касается крепости Кёнигсберг, Г. В. Кретинин от официальной линии не отступает.

Рассмотрим вопрос об эвакуации. Г. В. Кретинин обращается к источникам НКВД — организации, печально известной больше политическими репрессиями, нежели «поисками правды». Он некритично принимает эти данные и приходит к выводу, что приведенные в протоколах допроса примеры очищенных от населения районов доказывают эвакуацию горожан. Позвольте быть немного более критичным и рассмотреть ситуацию на четырех улицах, упомянутых сотрудниками НКВД. Лавскераллее представляла собой основную магистраль, в течение долгого времени зарезервированную для военного трафика. Кроме того, она лежала в западном предместье (в направлении Пиллау), и эвакуация в данном случае была логичной. Большинство пригородов было защищено и преобразовано в оборонительные позиции: то же справедливо и в отношении Альте Пиллауэрштрассе на северо-западе. Этому району советские войска угрожали уже в конце января 1945 г., поскольку он находился вне крепостного пояса. Штайндамм был эпицентром обороны: в 50 м находился бункер Лаша и партийные бункеры, где в последний месяц пребывали заместитель комиссара обороны рейха Альфред Фидлер, заместитель гауляйтера Фердинанд Гроссхер, крайсляйер Эрнст Вагнер. Это была военная зона, отличавшаяся от любой другой в Кёнигсберге, и ее очистили от гражданского населения по этой причине. Наконец, Хаммервег должен был бы стать самым сильным аргументом в пользу эвакуации: эта улица в центре и далека от военных. Не оставались ли там гражданские лица? Они там были. Михаэль Вик свидетельствует об эпизоде на Хаммервег, где он стал мишенью советского самолета [21, р. 115]. Ни одна из этих улиц не репрезентативна для характеристики положения Кёнигсберга в данный период. Полагаю, что Г. В. Кретинин имеет доступ ко всем этим сведениям, но намеренно умалчивает о них, потому что они противоречат его аргументации.

Обсудим далее силы гарнизона. Я бы хотел оттолкнуться от цифр генерала армии Кузьмы Галицкого, поскольку он указывал, что его данные относятся к самому началу штурма в апреле 1945 г. Галицкий писал о 561-й и 548-й фольксгренадерских дивизиях на северо-западе и 367-й пехотной дивизии в северном секторе. На востоке находились неопределенные части 61-й дивизии, возле залива Фришес-Хафф располагалась группа «Микош» и, наконец, в южном секторе сражалась 69-я пехотная дивизия [2, с. 341]. Количество в пять дивизий соотносится с данными Лаша [16, S. 83]. Галицкий отмечал, что «к началу штурма в состав кёнигсбергского гарнизона входило, как мы уже писали, пять пехотных дивизий и ряд других частей, насчитывавших около 130 тыс. человек, до 4 тыс. орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий. Оставшиеся в городе около 100 тыс. жителей привлекались к оборонительным работам» [2, с. 341, 338].

Начиная с 1944 г. полностью укомплектованная германская пехотная дивизия составляла 12,5 тыс. чел., а фольксгренадерская дивизия — 10 тыс. чел. [17, р. 43]. Таким образом, в случае полной комплектации (каковой не отмечалось) эти дивизии должны были насчитывать 10 тыс. (561-я) + 10 тыс. (548-я) + 12,5 тыс. (69-я) + 12,5 тыс. (367-я), а также «от-

дельные подразделения», подчиненные командованию 61-й дивизии и дивизии Микоша. Результат этого суммирования далек от 130 тыс., но это несоответствие все еще игнорируется. Г. В. Кретицин упрекает меня в следовании числу 50 тыс., говоря о документе из Бундесархива, но сам приходит к совершенно необоснованному количеству 80 тыс., вероятно, опирающемуся на факт, что документы в московских военных архивах упоминают 70 546 «военнопленных».

Позвольте обратиться теперь к злосчастной ссылке на документ из Бундесархива [9]. Г. В. Кретицин совершенно прав: я уделил его обсуждению мало места. В нем приведены детальные данные о силе четырех дивизий, а также отдельных подразделений, присутствовавших в крепости на 31 марта 1945 г. (см. табл.).

Состав дивизий, защищавших крепость Кёнигсберг

Дивизия	Батальоны средней боеспособности	Приданная артиллерия		Бронетехника	Противотанковые орудия	Численность в целом, чел.
		легких орудий	тяжелых орудий			
561-я ФГД	8	60	43	9 штурмовых орудий	43	5 588
548-я ФГД	6	31	21	Нет бронированной поддержки	21	3 776
367-я пехотная дивизия*	9	43	48	7 штурмовых орудий	48	7 123
69-я пехотная дивизия	10	41	48	Нет бронированной поддержки	48	7 430

* Ей был придан 75-й полк безопасности (Sicherheitsregiment) и 1441-й крепостной пехотный батальон (Festungs-Infanterie Battallion).

Кроме того, в крепости находился контингент фольксштурма, состоявший из 5 тыс. чел., 800 чел. из крепостного противотанкового подразделения (Festungs. Pak Verband I), 900 чел. саперов (Festungspioniere) и 500 чел. из полицейского батальона. Наконец, в крепости было 49 трофейных орудий калибром от 7,62 см до 15,2 см.

Согласно документу, боевой состав крепости (Kampfstärke) насчитывал 28 617 чел., а общая боевая численность на день донесения (Tagesstärke) — 47 800 чел. плюс 5 тыс. фольксштурмистов. В дни между 31 марта и 6 апреля 1945 г. достичь Кёнигсберга удалось немногим, в частности 61-й пехотной дивизии и остаткам боевой группы «Ганнибал». В итоге силы крепости должны были составлять порядка 55 тыс. чел. Это число учитывает указание генерала Лаша о том, что прямо перед штурмом было эвакуировано 10 тыс. раненых [16, S. 80].

Почему советские источники настаивают на большем числе, чем это? Во время Великой Отечественной войны наметилась тенденция существенно завышать число пленных, как и в целом численность противника, в основном из пропагандистских соображений. В НКВД для

подтверждения числа «военнопленных» нередко приводили масштабные цифры также в отношении гражданского населения. В Кёнигсберге был как раз такой случай: многие из учтенных как военнопленные и вернувшихся из СССР в 1950-х были женщины и дети. По данным газеты «Дас Остпрройссенблатт», один из транспортов, вернувшихся в Германию в 1954 г., насчитывал 1100 мужчин и 400 женщин, многие из которых были перечислены. Эти показатели, конечно, вовсе не отражают состояние немецкой армии в 1945 г. [10; 11].

Вероятно, самое знаменитое преувеличение численности танков находится в известном отчете генерала П. А. Ротмистрова, командовавшего 5-й гвардейской танковой армией под Курском. Он указывал, что из 1,5 тыс. танков под Прохоровкой 600 танков были немецкими. Недавно благодаря работам историков Дж. Найпа и Валерия Замулина выяснилось, что эти показатели ранее преувеличивались. По Найпу, немецкие потери составили лишь 54 танка из задействованных 232 Т-3, Т-4 и «Тигров» [18, р. 427]. С другой стороны, контрнаступление Красной армии в 1942 г., которое можно оценивать как «величайшее поражение Жукова», игнорировалось советскими (а зачастую и российскими) историками [14]. Преувеличение количества танков и людей и игнорирование отрицательных сторон советской атаки — именно это произошло и в случае Кёнигсберга. «Кёнигсберг» не стал той победой, которой он должен был стать. Вместо того он потребовал месяцев осады — не опрометчивых бросков, а тщательного планирования. Он продемонстрировал зрелость Красной армии, но также показал, что ее командование недооценивало саму концепцию крепостной обороны. В крепости было 16 штурмовых орудий (*Sturmgeschütze*) — и ни одного танка. Ни в каком пропагандистском фильме о Кёнигсберге нельзя увидеть танк, несмотря на тот факт, что армейские политотделы снимали все немецкие обломки, чтобы «увековечить для потомков» [3, с. 332–333] (фильмы можно найти, набрав в Яндексе «Штурм Кёнигсберга»). С другой стороны, штурмовые орудия фотографировались повторно и могли быть обнаружены именно в том секторе, который соответствовал их локации в вышеуказанном отчете.

Наконец, о положении населения в Кёнигсберге. Насчитывая почти 400 тыс. человек в 1941 г., он был крупнейшим городом Восточной Пруссии. Сотни лет он выполнял важнейшие региональные функции, так что не было ничего удивительного в том, что беженцы стремились туда в январе 1945 г. Г. В. Кретинин, как другие советские офицеры до него, оспаривает численность гарнизона и ставит правильные вопросы. В центре дискуссии находится роль гражданских лиц в обороне. Советский взгляд на этот вопрос — это героический взгляд: оправданность использования гражданских лиц в обороне Курска и Ленинграда редко ставится под сомнение, невзирая на тот факт, что подобные действия часто граничат с военным преступлением (ст. 51 Женевской конвенции прямо воспрещает вовлечение гражданских лиц в боевые действия). Смерть в Ленинграде миллиона мирных жителей от голода приписывается только немецким войскам, хотя простая мысль, что это произошло также вследствие неспособности советского руководства эвакуировать этих людей, остается за скобками. В Германии участие граж-

данского населения в военных действиях осуждается, и это, по моему мнению, правильно. Использование мирных жителей в обороне страны доказало свою безнадежность и стало признаком тоталитаризма. Тут нечем гордиться.

С одной стороны, я признателен Г. В. Кретиному за те цифры, которые он приводит, даже если они дают малореальную картину. Колебания между 34 354, 76 343, 105 000 и 140 000 слишком значительно, особенно с учетом того факта, что перемещения были крайне ограничены и позднего военного нацистским, и послевоенным советским правительством. С другой стороны, неверно полагать, будто на мои выводы относительно численности населения повлияли данные Юргена Торвальда, книга которого мне, как пишет оппонент, «вне всякого сомнения, должна была быть знакома». Торвальд (псевдоним Хайнца Бонгарца) был предвзято настроенным послевоенным журналистом, к тому же в нацистский период публиковавшимся в журнале печально известного «Черного корпуса» СС. Выбор источников, который Г. В. Кретинин ассоциирует со мной, вновь вызван стремлением представить меня архетипичным «западным» историком, заигрывающим то с нацистами, то с неонацистами.

Численность мирных жителей Кёнигсберга колебалась в течение всего периода обороны крепости, что может быть связано с провалом усилий по эвакуации из Пиллау. Я в настоящее время все еще анализирую данные множества документов Бундесархива в Берлине¹. Разные цифры фигурируют в медицинских отчетах, в материалах по распределению продовольственных карточек, в документах командования крепости и т. п. К примеру, по крайней мере три кинотеатра оставались открытыми во время осады, а также после февральского прорыва гарнизона (операция «Вествинд»), из которых для солдат был предназначен только один — «Зольдатенкино» [19, 1945, 20 Febr.]. Банки продолжали работать с населением до финального штурма, и люди все еще могли в марте официально регистрировать браки [13, S. 166]. По меньшей мере три новых магазина открылись между 19 и 23 февраля: по продаже текстиля (в районе Оберхаберберг), обуви (Унтерхаберберг) и бытовой и кухонной техники (Хагенштрассе). Последний едва ли продавал что-либо из необходимого солдатам [19, 1945, 23 Febr.]. Такие крупные организации, как банки и мэрия, скорее всего, также не работали бы для незначительного числа людей, но, повторюсь, этот вопрос еще требует дальнейшего изучения. Предварительно я могу утверждать, что источники показывают устойчивое снижение численности населения, но также нежелание эвакуироваться, приведшее к большому количеству оставшихся в Кёнигсберге. Они были цинично использованы командованием крепости и оказались в центре жарких боев апреля 1945 г. Вместо того чтобы спорить об их точном количестве,

¹ Знаменитые «Meldungen aus dem Ostraum», которые ранее использовались И. Кершоу [15]. См. полицейские отчеты за период с 14 февраля по 22 марта 1945 г. [8].

служа текущей политической повестке, моя основная цель состояла и будет состоять в том, чтобы сфокусироваться на тяжелых испытаниях, постигших этих несчастных людей. Их история достойна обсуждения, даже если политики не хотели бы, чтобы об этом говорили.

Пер. с англ. И. О. Дементьева²

Список источников и литературы

1. Вик М. Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. Калининград, 2015.
2. Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
3. Горбатов А. Годы и войны. М., 1989.
4. Кретицин Г. В. К вопросу о периодизации битвы за Восточную Пруссию в 1944–1945 гг. // Балтийский регион. 2010. №2. С. 103–111.
5. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1988.
6. Bagramyan I. The Storming of Königsberg // Main Front: Soviet leaders look back on World War II / ed. J. Erickson. L., 1987. P. 221–244.
7. Bundesarchiv Berlin-Lichtenfelde. Former BDC Collection, Akten Lasch.
8. Bundesarchiv Lastenausgleichsarchiv and Militärarchiv, Bayreuth and Freiburg i. B. (далее – BArch). NS 19/2068, 1–84.
9. BArch. RH2/335 (Vortragsnotiz Betr. Festung Königsberg). 6.4.1945.
10. С. К. Heimkehrer waren in Nordostpreußen // Das Ostpreussenblatt. 1954. 9 Jan. S. 3–4.
11. Die Namen der ostpreußischen Heimkehrer // Ibid. S. 7.
12. Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse / Hrsg. Th. Schieder [1954]. München, 1984. Bd. 1.
13. Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Köln, 1971. Bd. 3.
14. Glantz D. Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. Lawrence, 2005.
15. Kershaw I. The End, Germany 1944–45. L., 2012.
16. Lasch O. So fiel Königsberg. Stuttgart, 1977.
17. Lucas J. The last year of the German Army. L., 1994.
18. Nipe G. M. Blood, Steel, and Myth. The II. SS-Panzer-Korps and the Road to Prochorowka, July 1943. Stamford, 2011.
19. Preussische Zeitung.
20. Wieck M. Königsberg Zeugnis vom Untergang einer Stadt. Augsburg, 1998.
21. Wieck M. A childhood under Hitler and Stalin, Memoirs of a “certified” Jew. Madison, 2003.

Об авторе

Бастiaan Виллемс (Нидерланды) – асп., Эдинбургский университет, Великобритания.

E-mail: bpvwillems@gmail.com

About the author

Bastiaan Willem (Netherlands), PhD student, University of Edinburgh.

E-mail: bpvwillems@gmail.com

² Переводчик выражает признательность за консультации С. С. Никитину.